

"Его никто не остановит". Жены военных безуспешно пытаются защититься от побоев

менее минуты назад

 Приоритетный источник в Google

Иллюстративное фото

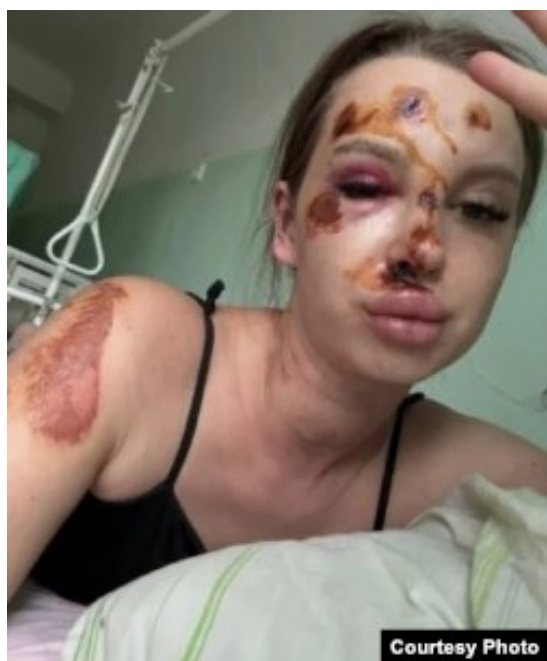
Владимир Путин призвал чиновников заранее готовиться к массовому возвращению российских военных с фронта – прежде всего к их трудоустройству. Власти уже вводят квоты для ветеранов, предлагают нанимать бывших военных в полицию и даже в школы, причем всячески защищая их от увольнений. При этом, часто беззащитными остаются члены семей таких военных, которые вымещают свою агрессию на близких.

Сибирь.Реалии рассказывают о двух подобных случаях, в которых женщины после побоев и угроз не смогли добиться эффективной защиты от полиции.

"С военным ничего сделать не можем"

23-летняя Евгения Жолобова из поселка Кавалерово Приморского края сейчас разводится с мужем Александром, военнослужащим-контрактником. У Евгении двое детей: шестилетний сын от предыдущих отношений и дочь от Александра, которой около года.

– Он и до ухода на войну иногда конфликтовал с ней, особенно когда Женя забеременела их общей дочкой. Но до драк не доходило. Когда он подписал контракт, ушел на войну, а потом стал приезжать в отпуск – стало понятно, что человек сильно изменился. Стал хватать ее, придушивать, оставлять синяки от захватов, – рассказывает подруга Евгении **Арина** (*мы меняем имена наших собеседников по соображениям безопасности*). – Походы в полицию ничего не дали. Там отвечали, что "с военным ничего сделать не можем". После нескольких обращений, когда у нее были синяки на руках и шее, с ним провели "профилактическую беседу".

Избитая мужем-военным Евгения Жолобова

Арина уверена, что после этого Александр лишь сильнее ощутил собственную безнаказанность.

– Даже с фронта засыпал ее угрозами и мерзкими сообщениями, писал, что с ней сделает по возвращении. Ей говорили, что он военный и она должна "быть мудрее", помягче. А скандал он мог начать на ровном месте. Женя какое-то время терпела ради общей дочери, но поняла, что это становится опасно уже и для детей и что надо спасаться, пока он "за ленточкой". Перевезла его вещи к свекрови и подала на развод.

Позднее, как утверждают близкие Евгении, Александр самовольно оставил воинскую часть. Сама Евгения в тот момент об этом не знала.

18 августа мать Александра забрала из детского сада внучку и вместе с сыном привезла ее к дому Евгении. По словам Арины, Александр угрожал, что, если жена не откроет дверь, пострадает девочка.

– Вот таким способом он и попадал в ее квартиру. Записанную только на нее, к слову. Она ее выбила у государства как сирота, – говорит Арина.

Когда Евгения впустила его вместе с ребенком, Александр, по словам Арины, запер дверь изнутри.

– Несколько часов ее бил. Руками, кулаками, стульями – что под руку попадется. Все на глазах у детей, которым физически некуда было спрятаться. Когда он остановился и ушел, на Жене буквально не было живого места. Она вызвала скорую, позвала родных присмотреть за детьми и поехала в больницу, – рассказывает Арина.

По словам близких Евгении, врачи зафиксировали у нее черепно-мозговую травму, гематомы и другие повреждения. 19 августа она снова обратилась в полицию. Там, как утверждает Арина, ей сообщили, что проверка по предыдущей жалобе еще продолжается.

– А никто даже опрошен не был. Что они проверяли? Абсолютная беспомощность. Жена с детьми в заложниках у психопата, а полиция хлопает глазами и ничего сделать с ним не может. – возмущается Арина.

Только после публичной огласки и обращения к правозащитникам Жолобова удалось изолировать от семьи – но вовсе не из-за обвинений в нападении на жену.

– Благодаря юристам выяснилось, что он не в отпуске, а самовольно оставил часть. После обращения в военные структуры его задержали в связи с СОЧ – самовольным оставлением части, – говорит знакомый с делом правозащитник **Петр Свиридов**.

О возбуждении уголовного дела в связи с избиением Евгении Сибирь.Реалиям неизвестно.

Евгения Жолобова

| Побои наказуемы, но отделить агрессора от семьи сложно

В России нет отдельного федерального закона о домашнем насилии и специального механизма охрannого ордера, который позволял бы пострадавшей быстро добиться запрета агрессору приближаться к ней, приходить домой или связываться с ней.

При этом сами побои остаются наказуемыми. Если они причинили физическую боль, но не повлекли даже легкого вреда здоровью и не содержат признаков другого преступления, обычного гражданина (не военного) можно привлечь по [статье 6.1.1 КоАП](#): оштрафовать на сумму от 5 до 30 тысяч рублей, арестовать на 10–15 суток или назначить обязательные работы. Если причинен вред здоровью, в зависимости от его тяжести речь уже может идти об уголовной ответственности.

В июне 2026 года депутаты Госдумы от партии "Новые люди" [направили в правительство законопроект](#), предлагающий [вновь сделать первый эпизод](#) побоев в отношении близкого лица уголовным преступлением. К концу августа законопроект еще не был внесен в Госдуму.

Отдельного закона против навязчивого преследования в России также пока нет. В феврале 2026 года в Госдуму [внесли законопроект](#), предусматривающий понятие stalking и механизм охранных ордеров: преследователю можно было бы запрещать приближаться к жертве и вступать с ней в контакт. Летом проект [доработали](#), но законом он пока не стал.

С действующими военными возникает дополнительная проблема. По [статье 2.5 КоАП](#) за побои по статье 6.1.1 КоАП они несут не административную, а дисциплинарную ответственность: материалы передаются командованию. А если речь идет уже об уголовном деле, [УПК позволяет](#) приостанавливать расследование в отношении военнослужащего на период службы по ходатайству командования.

[Этим механизмом пользуются и обвиняемые](#) в тяжких преступлениях: после заключения контракта уголовное дело может быть приостановлено, а в предусмотренных законом случаях впоследствии прекращено. За время войны российские суды уже приостановили или прекратили таким образом сотни дел, в том числе об убийствах и причинении тяжкого вреда здоровью.

Акция за принятие закона о домашнем насилии, Санкт-Петербург, 2018 год

Юрист **Светлана Рябова**, специализирующаяся на помощи пострадавшим от домашнего насилия, говорит, что из-за этого добиться реальной изоляции агрессора от семьи бывает крайне трудно.

– В России нет закона о домашнем насилии и охранных ордеров, а кризисных центров из-за закрытия НКО становится все меньше. Моя работа как юриста порой сводится к абсурду: мы проверяем, не находится ли агрессор в СОЧ. Если он сбежал со службы, его могут задержать военные, и это порой оказывается единственным способом хотя бы на время отделить его от женщины и детей.

|"Боялась за свою жизнь и психику сына"

Близкие 26-летней Екатерины Керимовой из Екатеринбурга говорят, что после войны ее бывший муж не просто стал агрессивнее – у него появились и другие заметные изменения поведения.

Айдын был комиссован после ранения и в январе 2026 года вернулся домой к жене и сыну.

– Он стал пить, серьезно, запоями. У него кошмары и ненормальная реакция на любые громкие звуки или перемены планов. Буквально неожиданная очередь или другое рядовое препятствие – и у Айдына "башню рвет", – рассказывает подруга Екатерины **Ольга**.

Со временем, по ее словам, вспышки становились все сильнее. Екатерина начала говорить о разводе. Сам Айдын, утверждает Ольга, понимал, что с ним что-то происходит, и пытался найти психиатрическую помощь.

По словам Ольги, он обращался в медучреждения и просил направить его к психиатру, однако быстро попасть к профильному специалисту по месту жительства не получилось. Семье пришлось искать помощь самостоятельно.

– В итоге Катя подала на развод. Боялась уже и за свою жизнь, и за психику сына. Он стал караулить ее повсюду – накидывался прямо на людях, у работы, у дома, – рассказывает Ольга.

22 мая Айдын встретил бывшую жену неподалеку от дома и избил ее так, что она попала в больницу.

– Таскал ее за волосы, бил ногами. Ударил по голове, по спине, выбросил на дорогу. Его от нее оттаскивали несколько мужчин, – говорит Ольга.

Екатерина снова обратилась в полицию – на этот раз вместе с юристом – и получила направление на медицинскую экспертизу.

– Ее уверили, что начали проверку. С тех пор – тишина. Саму Катю ни разу не вызывали, к родным и друзьям тоже не обращались, хотя их контакты она оставляла, – рассказывает Ольга.

По ее словам, за это время бывший муж пытался поджечь квартиру и повредил электрический щиток в подъезде. В итоге Екатерине пришлось уехать к родственникам.

| Агрессия – не диагноз

Описанные близкими Айдына кошмары, повышенная реакция на громкие звуки и вспышки гнева действительно могут встречаться при посттравматическом стрессовом расстройстве.

Согласно действующим [клиническим рекомендациям Минздрава](#), для ПТСР характерны прежде всего повторное переживание травмирующего события – в том числе в форме навязчивых воспоминаний, флешбэков или кошмаров, – избегание напоминаний о травме и сохраняющееся ощущение угрозы, проявляющееся гипернастороженностью и усиленной реакцией испуга. Раздражительность и вспышки гнева могут входить в картину расстройства, но сами по себе ПТСР не доказывают.

– Некорректно утверждать, что все бывшие военные автоматически страдают ПТСР, – говорит психиатр **Юрий Мельников**, специализирующийся на помощи людям с последствиями тяжелых психических травм. – Человек может вернуться с войны с ПТСР, может иметь другое психическое расстройство, а может быть агрессивным человеком и без психиатрического диагноза и до службы в армии.

В случае Евгении ее близкие рассказывают, что конфликты в семье возникали еще до войны, хотя до физического насилия дело, по их словам, не доходило. После ухода Александра на фронт агрессия резко усилилась. В случае Екатерины близкие описывают не только вспышки агрессии, но и другие изменения после возвращения Айдына – кошмары и болезненную реакцию на громкие звуки и неожиданные ситуации. Сам он, по их словам, понимал, что с ним что-то происходит, и пытался обратиться за помощью. Однако и здесь без обследования говорить о ПТСР можно лишь как об одном из возможных объяснений части симптомов, – говорит эксперт

Исследования также не подтверждают прямую связь между ПТСР и насилием. Американский **Национальный центр ПТСР**, обобщающий исследования среди ветеранов, отмечает, что большинство людей с таким диагнозом никогда не проявляли насилия. На риск влияют и другие факторы – сопутствующие психические расстройства, выраженный гнев, прежняя история насильственного поведения, а также злоупотребление алкоголем и наркотиками.

В истории Айдына этот фактор тоже присутствует: по словам близких Екатерины, после возвращения с войны он начал пить запоями.

– Алкоголем люди нередко пытаются самостоятельно заглушить тревогу, нарушения сна и другие последствия тяжелой психической травмы. Но он не лечит ПТСР и может, наоборот, ухудшать состояние, усиливать импульсивность и агрессивность, – говорит Мельников.

По данным НМИЦ психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева, распространенность ПТСР среди военнослужащих, участвовавших в боевых действиях, оценивается в 3–11%. Среди раненых психические расстройства пограничного уровня выявляют как минимум в 30% случаев, а долю ПТСР оценивают в 14–17%.

– ПТСР можно и нужно лечить. Но наличие психического расстройства не снимает с человека ответственности за насилие и не означает, что любое насилие совершено из-за ПТСР, – подчеркивает Мельников.

| Помощь существует – но до нее еще нужно дойти

Российские власти начали создавать отдельную систему психологической помощи участникам войны еще в 2023 году. Минздрав анонсировал психиатрический скрининг вернувшихся военнослужащих и создание в регионах психотерапевтических кабинетов, кабинетов медико-психологического консультирования и психосоматических отделений. Позднее министерство отчиталось об открытии 1,4 тысячи кабинетов медико-психологического консультирования, 556 психотерапевтических кабинетов и более 400 подразделений медико-психологической помощи. В 2026 году порядок диспансеризации ветеранов дополнительно изменили: после получения информации о возвращении участника войны в регион медицинская организация должна организовать его обследование.

При этом существование такой системы еще не означает, что каждый вернувшийся с войны действительно пройдет психиатрическое обследование и получит лечение.

– На деле все ломается на этапе экспресс-теста у психологов. В военных госпиталях этот этап нередко "пропускают", скрининг не является обязательным. Даже если военный его прошел, никто не контролирует – обратился ли он за помощью по месту жительства., – говорит психиатр Юрий Мельников. – Предположу, что и "находить" симптомы психических расстройств в военных госпиталях не всегда есть стимул: серьезный психиатрический диагноз может поставить вопрос о годности человека к дальнейшей службе.

По словам Мельникова, после возвращения домой бывший военнослужащий может обратиться за помощью самостоятельно, но и здесь возникает несколько препятствий.

– Чисто теоретически он может сам обратиться в гражданскую поликлинику или прямиком в психдиспансер. Но практики такой нет – в гражданских поликлиниках и обычных больницах приема у психиатра для полноценного лечения недостаточно, при явных симптомах ПТСР он посоветует обратиться в психдиспансер. Для многих это красный флаг – добровольно туда люди не обращаются. Боятся диагноза, стигмы, возможных последствий.

Родственники при этом не могут просто отправить взрослого человека лечиться против его воли.

– А заставить – нельзя. К сожалению. Хотя скорректировать симптомы вполне возможно, – говорит Мельников.

Недобровольная психиатрическая госпитализация в России законом предусмотрена, но лишь при определенных основаниях. В частности, если тяжелое психическое расстройство делает человека непосредственно опасным для себя или окружающих. Сам факт агрессии или домашнего насилия еще не означает наличия такого расстройства – это должен установить психиатр.

Таким образом, государственная система в основном рассчитана на то, что сам человек пройдет первичный скрининг, затем дойдет до профильного специалиста и согласится лечиться. Контроля за тем, произошло ли это после возвращения военнотружущего домой, по словам Мельникова, нет.

Этот контент также в категориях

Регионы

Общество.Сибирь